

«ФИНИКИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ». МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В КЕЛЬНЕ

С 24 по 27 апреля 1979 г. в Кёльне (ФРГ) проходил Международный симпозиум по проблеме «Финикийская экспансия в Средиземноморье»; доклады его участников и дискуссии по ним были опубликованы в 1982 г. в VIII томе «Мадридских сообщений»¹. Доклады, как это явствует из содержания, довольно часто выходили за пределы указанной тематики и в этой связи размещены в томе в соответствии с четырьмя основными разделами: История и археология финикийцев в метрополии (с. 15—94); Финикийцы и финикийские поселения на Западе (с. 95—236); Финикийцы и греки: партнерство и конкуренция (с. 237—308); Иберийский полуостров и крайний Запад (с. 309—444).

Большинство поднятых на симпозиуме тем составляют так называемый «финикийский вопрос». Его основные аспекты по-разному освещены в томе и могут быть сформулированы следующим образом: исторический фон финикийской колонизации и экспансии в Средиземноморье; основные направления, структура и масштабы финикийской колонизации; этнические и социокультурные контакты; международные связи в ходе колонизации. О сложности этого «вопроса» и актуальности его изучения свидетельствует многочисленная специальная литература, появившаяся в последнее время, в том числе и ряд защищенных диссертаций².

Историческим условиям в метрополии накануне колонизации и ее причинам посвящен основной доклад В. Реллига «Финикийцы метрополии ко времени колонизации». Автор ограничивает хронологические рамки своей темы XIV—VIII вв. до н. э., что в общем соответствует поднятой им проблематике. Весь этот период автор довольно традиционно разделяет на три этапа: XIV—XIII вв., XII—X и X—VIII вв. На первом из этих этапов финикийские центры, судя по данным амарнского архива, были довольно многочисленны и значительны. Письменные источники содержат вполне определенную информацию о заселении левантйского побережья, о внешних связях Финикии, однако несут в себе практически нулевую информацию о структуре городов и их экономике. Еще одно «темное пятно» — нашествие «народов моря» и последующий за ним период. Для этого времени, правда, уже известно, что крупные финикийские центры (подобно Библу) занимались торгово-посреднической деятельностью. Они экспортировали сырье, прежде всего древесину (кедр), а ввозили драгоценные металлы. На исходе «темных веков» (IX в., судя по контексту, см. МВ, с. 23—25) в финикийской торговле наметились значительные структурные изменения: происходит переход от экспорта сырья к экспорту готовых продуктов (Fertigware). Именно благодаря этому повороту в торговле, полагает автор, финикийцы обращаются к колонизации. Уже у Гомера финикийцы упоминаются в качестве торговцев и ремесленников. В этом смысле основным стимулом финикийской колонизации следует считать поиск не «рынков», а «источников сырья» (с. 26).

Для решения вопроса о том, была ли тяга к источникам сырья главным и единственным стимулом финикийской колонизации, автор обращается к анализу ассиро-финикийских отношений. Изменения культурного и политического ландшафта на Ближнем Востоке в результате ассирийской экспансии, подчеркивает он, не могли не сказаться на эволюции Финикии (в частности, это привело к политической переориентации ее городов), однако этот процесс никак не сказался на торговле, поскольку структурные изменения в ней произошли несколько раньше ассирийской экспансии. И в этом плане финикийская колонизация не была простым продолжением ассирийской экспансии в Левант.

¹ Phönizier im Westen. Die Beiträge des Internationalen Symposiums über «Die phönizische Expansion im Westlichen Mittelmeerraum in Köln vom 24. bis 27. April 1979. — Madrider Beiträge. B. VIII. Mainz am Rhein, 1982. 456 S. (далее — МВ).

² См., к примеру, Циркин Ю. Б. Финикийцы в Испании. К проблеме культурных контактов в древнем Средиземноморье. Л., 1978; Lindemühl G. Westphönikische Keramik des 7. und 6. Jhs. Diss. Freiburg, 1972; Grau-Zimmermann B. Phönikische Bronzekannen. Diss. Köln, 1977; González Wagner E. C. Fenicios y Cartagineses en la Península ibérica: ensayo de interpretación fundamentado en un análisis de los factores internos. Diss. Madrid, 1983, и др.

Уже в ходе дискуссии по докладу В. Реллига участниками симпозиума было обращено внимание на искусственность авторской схемы. Так, Г. Нймайер подчеркнул, что одной причиной никак нельзя объяснить финикийскую колонизацию и что следует принимать во внимание целый ряд коррелирующих факторов. К их числу в равной степени должны относиться поиск рынков сбыта, источников сырья, демографический рост метрополии и др. (с. 30). Но даже после этой оговорки анализ причин колонизации остается далеко не завершенным. У нас нет данных о демографическом росте финикийских центров на протяжении IX—VIII вв. до н. э., чтобы по аналогии с предколониационной Грецией можно было бы выделять «демографический взрыв» в качестве одной из магистральных предпосылок последующего колониационного движения. Более того, исследование Л. Марфоу долины Бекаа показали, что население там сокращалось от железного века I ко II, так что объяснение причин финикийской колонизации давлением хинтерланда на прибрежную зону также не может быть принято³.

Так или иначе в ходе дискуссии не удалось создать новой «синтетической» объясняющей модели финикийской колонизации. Очевидными для участников симпозиума остались стимулы, связанные с торговлей, в форме поиска как рынков сбыта финикийской ремесленной продукции, так и источников сырья для нее же. Эта традиционная схема «торговой колонизации» повисает в воздухе, поскольку вовсе не выясненной остается предыстория структурных изменений в финикийской торговле, если таковые вообще были⁴.

Одним из ведущих докладов можно считать доклад С. Москати «Финикийская экспансия в Западное Средиземноморье». Главное место в нем занимает вопрос о ее структуре. Автор продолжает развивать свою идею о том, что нормой финикийской колониационной практики являлась организация ряда крупных поселений, игравших роль форпостов в проникновении финикийцев в важные сырьевые районы Запада, и затем — множества мелких поселений, группировавшихся вокруг них и являвшихся основными хозяйственными единицами сельского или городского типа (с. 6). Если в предыдущие годы С. Москати высказывал эту идею, не имея серьезной аргументации, то теперь она находит, по его мнению, солидные подтверждения на материале раскопок в Южной Испании (прежде всего в районе Соле), а также в Тунисе и Сардинии. Со временем основным центром и опорой финикийской колонизации Запада становится Карфаген (с. 7).

Не меньшее значение С. Москати придает вопросам периодизации и хронологии финикийской колонизации Западного Средиземноморья. В отличие от Дж. Бордмана, А. Дж. Грейэма и их сторонников-эллинофилов, стремящихся синхронизировать начальный период финикийской и греческой экспансий в западном направлении в рамках VIII в.⁵, С. Москати продолжает опираться на сведения античных авторов о появлении здесь финикийцев еще в конце II тыс. Современная археология, по его мнению, начинает добывать финикийский материал этого раннего времени: бронзовая статуэтка финикийского божества XIV—XIII вв. из Южной Сицилии, ряд финикийских изделий X—IX вв. из Сицилии, Сардинии и Южной Испании (с. 8—9). К тому же, резонно замечает автор, создание колонии почти никогда не совпадает по времени с возникновением первопоселения, от которого если и сохраняется археологическая документация, то обычно крайне незначительная (с. 8). После эпохи «народов моря» начинается период самостоятельного существования финикийской цивилизации на Западе. Оказавшись «оторванной от сиро-палестинского побережья», она «существенно меняет свое лицо» (с. 9). Логически связанным с этим представляется С. Москати другой вопрос: где проходил водораздел между собственно финикийским и карфагенским? В равной мере он отвергает и традиционную точку зрения об особой роли Карфагена на

³ Этот материал был приведен в выступлении Л. Стагера (МВ, S. 30).

⁴ Справедливости ради следует отметить, что В. Реллиг, не отрицая в принципе контактов Финикии с Западом во II тыс. до н. э., утверждает, что колонизация имела место лишь в железный век и началась с Кипра. Так, Б. Шефтон указал, что в таком случае придется отказаться от письменной традиции (*Diod.*, V, 20; *Mel.*, III, 46; *Strabo*, I, 2, 3; *Vel. Pat.*, I, 2), относящей начало колонизации Испании, в частности основание Гадеса, к концу II тыс. до н. э. (МВ, S. 29).

⁵ Boardman J. *The Greeks Overseas*. L., 1980, p. 210 f.; Graham A. J. *The Western Greeks*. — САН, v. III. 3. Camb., 1982, p. 186—188.

Западе со времени возникновения города ⁶, и получающую все большее распространение идею о его усилении после обоснования на Балеарах в 650-х годах ⁷. Наиболее приемлемым ему представляется VI в., открывший эру собственно карфагенского завоевания Западного Средиземноморья. К этому времени он относит основание карфагенянами целой сети пунктов в стратегически важных местах: на Мальте, Сицилии, Сардинии, Пантеллерии, в Иберии (с. 10). Не позднее рубежа VI—V вв. в непосредственной близости от Карфагена возникают три крепости, располагавшиеся в устьях рек, на мысах, удобных для контроля над плодородными землями округи. Именно с этого времени полностью меняется характер пунийского освоения Запада. Если финикийцы видели основной смысл своей деятельности в приобретении металлов Иберии с их последующей перепродажей, то карфагеняне наладили их самостоятельную добычу и сделали многое для развития сельскохозяйственного производства (с. 12).

Не отказываясь от традиционной оценки финикийской колонизации Западного Средиземноморья как значительного явления в античной истории, С. Москати считает целесообразным подходить дифференцированно применительно к каждому из двух ее самостоятельных этапов. Это означает для автора, что до VI в. финикийцев интересовал только дальний Запад как богатый и никем не освоенный источник сырья. Они добывали серебро в Южной Иберии, олово — в Иберии, Бретани и Корнуэлле, золото — в Африке. Карфаген же всячески стремился создать такую мощную экономическую основу, которая позволила бы ему автономное и благополучное существование за счет господства в Западном Средиземноморье (с. 7, 11). В этом плане С. Москати даже считает возможным называть Карфаген предшественником Рима и его завоевательной политики (с. 12).

Авторы последующих выступлений трактуют проблемы финикийской колонизации Средиземноморья сообразно региональному принципу. Этот «цикл» открывается докладом В. Тузы «Финикийское и пунийское присутствие в Сицилии», где главным можно считать вопрос типологии финикийских колониальных оснований на Сицилии. Автор специально оговаривает, что в понятие «финикийское» он вкладывает все, появившееся с сирийского побережья, а родиной пунийского считает Карфаген (с. 95). С конца II тысяч. финикийцы имели на западном побережье острова серию крупных центров типа Мотия, Солутта, Панорма. На рубеже VIII—VII вв. они были добровольно уступлены грекам (с. 96). Финикийские поселения последующего периода не были столь значительными и оказали лишь культурное влияние на туземную округу. Карфагеняне, утвердившись в Сицилии, отвоевали у греков к середине VII в. Панорм и отвели ему роль посредника в торговле с греками и туземцами. В ином статусе существует с начала VI в. Мотия, ибо в этом центре наблюдается определенный симбиоз финикийцев с элимами, являющимися посредниками их торговой деятельности не только с туземцами, но и с греками (с. 103). Современная археология обнаружила на Сицилии еще несколько поселений типа Мотия: Маринео, Ерисе, Монте Полиссо и др. Контакты с греками характеризуются автором как враждебные, ибо уже в момент их появления в Восточной Сицилии финикийцы были вынуждены уступить им свои ведущие центры, а впоследствии греки предпринимали регулярные экспедиции завоевательного характера (Пентатл в начале VI в., Дорией в VI в., Дионисий в IV в.).

Идеи В. Тузы относительно Мотии получили развитие в работе Б. С. Дж. Иссерлина «Мотия: урбанистические черты». Автор стремится отобразить сумму аргументов для подтверждения тезиса В. Тузы о трансформации Мотии VII в. в торговое поселение (*trading post*) (с. 116). К основным археологическим показателям нового статуса поселения он причисляет сооружение в нем «оффиса» (*counting house*), возведение фортификации (с. 115, 117). Археологическое отсутствие рынка компенсируется, по его мнению, наличием стелы со сценой у городских ворот, где изображены торговые заведения и лавки. Широко используются Иссерлином типологические параллели с Тоска-

⁶ Эта точка зрения по-прежнему встречается как в советской, так и зарубежной литературе. См. Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976, с. 25, 95; Шифман И. Ш. Карфагенская держава в Западном Средиземноморье (I тыс. до н. э.). — В кн.: История древнего мира. Т. II. М., 1982, с. 439; Blázquez J. M. Panorama general de la presencia fenicia y púnica en España. — Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici. V. II. Roma, 1983, p. 312.

⁷ См. Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983, с. 146—155.

носом, а также сопоставление некрополя Мотии с некрополями Трайамара, Утики, Карфагена и Кипра.

В докладе Ф. Барреки «Новые данные о финикийско-пунийской колонизации Сардинии» приводится материал раскопок автора 1978—1980-х гг., дополняющий картину семитского освоения Сардинии. Наличие в прибрежных поселениях типа Бифия архаической поры железного оружия и кремации (в качестве ведущего погребального обряда некрополя Бифии) является для автора достаточным аргументом в пользу раннего обоснования здесь финикийцев (с. 181). Он не сомневается в значительности их торгово-посреднической деятельности, так как в поселении помимо собственно финикийских присутствуют этрусские, греческие предметы и их туземная имитация конца VII — первой половины VI в. (с. 182). Автор приводит материал вновь раскопанных пунийских поселений (Кальяри IV—III вв., Сенобри V—III вв.) и их некрополей. В одной из пунийских могил типа *pozzo verticale* некрополя Кальяри была вскрыта роспись техникой *dipinto*. Роспись является первой на Сардинии и вообще одной из немногих пунийских IV—III вв. (с. 182). Приведенные данные, суммированные с ранее опубликованными⁸, позволяют автору сделать вывод о существовании двух семитских колонизаций Сардинии: финикийская датируется периодом до середины VI в., после чего начинается карфагенское освоение острова. Финикийцам удалось освоить лишь узкую прибрежную полосу острова, так как их поселения никогда не удалялись на расстояние более 20 км от берега моря. Карфагеняне, напротив, углублялись в горы, строили укрепления, создавали долговременные некрополи.

В плане типологизации финикийских поселений крайнего Запада несомненный интерес представляют исследования двух известных западногерманских археологов, ведущих раскопки в Южной Испании, — Х. Нимайера и Х. Шубарта. Х. Нимайер в докладе «Финикийское поселение Тосканос: предварительные итоги», не отказываясь от своего тезиса об особой роли Тосканоса в финикийской посреднической торговле, сформулированного им еще в 60-е годы⁹, предлагает весьма значительный материал для изучения эволюции Тосканоса из изолированного эмпория в «столицу эмпориев». Время возникновения этого эмпория датируется им IX—VIII вв. по аналогии жилой архитектуры эмпория с палестинскими строениями (с. 187). С середины VIII в. Тосканос вступает в урбанистический период своей истории: застраивается его торговая часть, возводятся складские помещения, развиваются ремесла и производство, в частности металлургия. Х. Нимайеру представляется возможным идентифицировать поселение этого периода с греческой Майнаке. В VII в. наблюдается распространение финикийского влияния из Тосканоса на прилегавшую к нему округу. Это фиксируется автором на основании раскопок военного, по его мнению, пункта, располагавшегося к северо-западу от Тосканоса и возведенного финикийцами для осуществления контроля над рядом небольших туземных поселений этой зоны типа *Serea Nuebla* (с. 204). Особо Х. Нимайер останавливается на выявлении связей Тосканоса с его прямым соседом, основанным финикийцами в VII в. Ему представляется возможным назвать это поселение «эмпорием эмпория Тосканос». Хотя для обоих и была характерна тождественность с точки зрения хронологии, происхождения и типологии, но Тосканос располагался непосредственно на побережье, а его «спутник» — в глубине долины. О постоянном присутствии в этой зоне финикийцев, как считает Х. Нимайер, говорят большой по площади некрополь, располагавшийся по обоим берегам Велеса, от которого к настоящему времени раскопано более 40 захоронений общей площадью 350 м² (с. 190).

Х. Шубарт в докладе «Финикийские поселения в Южной Испании» предлагает некоторое обобщение своих предшествующих работ по финикийской колонизации Испании, видя основную задачу в типологизации финикийских поселений на основе определения их хронологии, топографии, характеристики городского устройства и некрополей. Если к рубежу 1950—1960-х годов в Испании археологи определяли как чисто финикийское лишь одно поселение — Гадес, а остальные как соединение финикий-

⁸ Barreca F. La Sardegna fenicia e punica. — Simposio de colonizaciones. Barcelona, 1974, p. 23 f.; *idem*. Le fortificazioni settentrionali di Tharros. — Rivista di Studi Fenici, Roma, 1976, v. IV, p. 215—228.

⁹ Niemeyer H. G., Schubart H. Toscanos. B., 1969, S. 121—123.

ских и карфагенских элементов, то к настоящему времени исследовано по крайней мере 13 финикийских центров и ряд некрополей VIII — первой половины VI в. (с. 210 сл.). Наряду с городами, развивавшими торговлю и ремесло, выявлен ряд сельскохозяйственных поселений, находившихся в прямой зависимости от города (с. 210). Наиболее ранним из карфагенских образований Х. Шубарту представляется Эбес (с. 225). Специальное внимание автор уделяет характеристике финикийской деятельности в Восточной Испании. Он определяет ее как торговую и на основании ее многочисленных следов считает, что в будущем должны быть обнаружены и соответствующие по характеру поселения вплоть до Ульястрета на севере (с. 229). В попытке выяснения этнического типа колонистов-обитателей основных западнофиникийских центров автор не отказывается от традиционных представлений о тирийцах как основным этническим компоненте западнофиникийских колоний, но одновременно приводит значительный материал в пользу активной роли финикийских киприотов и северных семитов (с. 231). Сумма всех конкретных наблюдений приводит автора к подтверждению вывода, который уже завоевал определенные позиции в науке благодаря работам М. Альмагро Горбеа и Х. Феррона¹⁰, а именно: в создании западнофиникийской цивилизации большую роль наряду с Тиром и Сидоном сыграли северные районы Леванта (Аль Мина), южные (Akhziv, Khalde) и Кипр (с. 231—232).

В докладе М. Э. Аубет Землер «К проблематике ориентализирующего горизонта на Иберийском полуострове» была поставлена чрезвычайно актуальная проблема выяснения сущности ориентализма как культурного феномена и приведена характеристика его конкретных проявлений в Греции, Этрурии, Лации и главным образом в Тартессе. Автор считает, что в Греции ориентализирующее влияние ощущалось в заимствовании и развитии сюжетов, тем и идеологии, осуществлявшихся самими греками в силу их постоянного присутствия в Леванте (с. 309—310). В Этрурии и Лации ориентализация — более сложный феномен как «результат греческих, сирийских и финикийских влияний и импульсов, начавшихся прямым или косвенным образом с VIII в.». При этом в качестве доминирующего элемента исследовательница выделяет греческий, как уже испытанный определенное восточное влияние и преломивший его в той или иной степени. Носителями этого влияния в Этрурии и Лации автор считает греков Питекусс и Кум (с. 310). В Тартессе определяющим компонентом ориентализации выступает финикийский, из-за чего феномен становится гораздо более восточным, нежели ориентализирующим (*orientalischen als orientalisierenden*). Основным эффектом ориентализации в Тартессе М. Аубет считает эволюцию иберийского протогорода в собственно город в VII — VI вв. (с. 311, 320). Ведущим механизмом этого процесса она признает аккумуляцию.

Доклад Х. Бласкеса и Х. Вальенте ознакомил слушателей с материалами археологических раскопок поселения Ла Муэла (пров. Хаэн)¹¹ последних лет. Использование этих материалов вкуче с данными раскопок других поселений Верхнего Гвадалквивира позволяет ученым прийти к вполне аргументированным выводам о характере и степени ориентализации Северной Андалузии в сравнении с южной (см. с. 425—426). По их мнению, ориентализирующий период в Северной Андалузии начинается поздно и является как бы вторичным, развиваясь под влиянием одного из крупных центров Нижнего Гвадалквивира типа Уэльвы. Это влияние проявилось в интенсификации торговли с Южной Андалузией верхов туземного общества, желавших приобретать заморские либо имитировавшие их предметы роскоши, а также вино и масло, в последовательно развивавшемся процессе социальной стратификации и во все более регулярной «контрактации» специалистов-южан туземными вождями и жрецами для сооружения усыпальниц, святилищ, фортификаций. Свидетельством развития указанного варианта торговли Х. Бласкес и Х. Вальенте считают действительно красноречивое соотношение кружалной и лепной керамики (40:1, с. 425), а реальное подтверждение

¹⁰ *Almagro Górbеа M.* El Bronce final y el período orientalizante en Extremadura. Madrid, 1977, p. 149, 491; *Ferron J.* À propos de la civilisation phénicienne d'Occident.— *Latomus*, 1970, № XXIX, S. 1026 ff.

¹¹ *Blázquez Martínez J. M., Valiente Malla J.* El poblado de La Muela y la fase orientalizante en Cástulo (Jaen).— *MB*, S. 407—426. Сравнительную картину ориентализации Северной и Южной Андалузии подробнее см. *Blázquez*. *Panorama...*, p. 312—373.

присутствия ремесленников-строителей они находят в совпадении техники кладки стен туземных поселений Верхнего Гвадалквивира и Тосканоса, возведенных на рубеже VII—VI вв. и в VII в. соответственно (с. 426).

Изучению вещественных следов финикийско-пунийской деятельности в Марокко посвятил свое выступление М. Понзиш¹². Марокко представляется автору связанным с зоной Гадеса не только географически, но и исторически, так как они были одинаково сильно семитизированы еще в доримскую эпоху (с. 429—430). Финикийцы колонизовали их из необходимости максимально приблизиться к источникам сырья (с. 429), карфагеняне же наладили в плодородных долинах испанского Гвадалквивира и африканского Лукка развитое сельское хозяйство. В результате треугольник к западу от Гибралтара с углами в Танжере, Волюбилесе и Салэ был активно освоен. Об этом свидетельствуют более 20 пунийских поселений, вскрытых к настоящему времени, и порядка 10 предполагаемых на основании подъемного материала (с. 433). В отличие от Х. Шубарта (с. 228) М. Понзиш считает затруднительным отделение финикийского от пунийского. Распространенный до недавнего времени критерий — краснолаковые блюда¹³ — представляется ему недостаточным, так как все возрастающее число их прекрасных имитаций, осуществленных карфагенянами и туземцами, действительно ослабило его значение. Поэтому автор поддерживает традиционное представление о пунизации как о финикийско-карфагенской деятельности по освоению дальнего Запада и датирует ее VIII—VII вв. (с. 443—444).

Исследование этнических и социокультурных контактов в Средиземноморье в ходе финикийской колонизации на симпозиуме в основном сузилось к анализу греко-финикийских контактов. Центральное место в изучении этой проблемы занимает выступление Дж. Н. Колдстрима «Греки и финикийцы в Эгейде».

Историография этого вопроса прошла как бы две фазы. Первоначально, когда исследование велось преимущественно на базе письменной традиции, большинство специалистов постулировали как финикийские плавания, так и финикийскую колонизацию Эгейды. В дальнейшем, когда в результате археологических раскопок не удалось подтвердить ни одного из упоминаемых, в частности Геродотом, финикийских поселений, наступил период скептицизма. Факт присутствия финикийцев в Эгейском бассейне все больше подвергался сомнению, хотя невозможно было огульно отрицать очевидное заимствование греками финикийского алфавита, обильный восточный импорт и ориентализирующий стиль в искусстве. В 30-е годы скептицизм усилился, когда было выяснено, что финикийское искусство само страдало несамостоятельностью, а на греческое в свою очередь большее влияние оказало искусство Северной Сирии. Позитивный сдвиг наступил после открытия Аль Мины — греческого эмпория в устье Оронта. Многие эллинисты стали полагать, что инициатива в возрождении греко-восточных контактов принадлежит скорее грекам, нежели финикийцам. На посредническую роль Аль Мины списывали весь восточный импорт, заимствование многих идеологических представлений и идей, включая и алфавит. Так что возникла угроза свести финикийские плавания в Эгейде вообще на нет. Дж. Н. Колдстрим предлагает новую постановку этой проблемы и пытается решить ее в свете последних археологических открытий.

Автор выдвигает два аспекта проблемы: финикийцы-торговцы и финикийцы-ремесленники. Причем, как он утверждает, и в первом и во втором случае финикийцы опережали любую из самых ранних акций греков в Леванте (с. 263). Левантский импорт в Греции концентрируется в основных центрах: Керамик (Афины), Лейфанди (Эвбея), некрополи Коса и Кносса. Ранний импорт выпадает уже на IX век, что свидетельствует о регулярной финикийской торговле. Синхронный греческий материал на Ближнем Востоке слишком незначителен, чтобы можно было судить о его регулярности (с. 265). Более документально подтверждается им вторая гипотеза — о присутствии в Эгейде восточных ремесленников, вероятнее всего, оседание их происходило в первую

¹² Ponsich M. Territoires utiles du Maroc punique. — МВ, S. 429—444.

¹³ Историю возникновения этого критерия и имена его создателей см. *Guadrado E. Origen y desarrollo de la cerámica de barniz rojo en el mundo tartésico. — Tartessos y sus problemas. Barcelona, 1969, p. 257—258, 271.* В советской литературе этого критерия придерживается Ю. Б. Циркин (Финикийская культура, с. 51—52).

очередь на островах Крит, Кос, Родос¹⁴. В силу этого автор считает возможным сделать два основных вывода на предложенном им материале. Во-первых, налаживание контактов между греками и финикийцами в IX в. следует рассматривать лишь как своеобразную прелюдию к грандиозному ориенталистическому движению. Во-вторых, уже в середине IX в. существовал тесный контакт между греками и финикийцами, частично благодаря грекам, осевшим в Северной Сирии, но большей частью благодаря финикийским мастерам и торговцам, регулярно посещавшим Эгеиду (с. 272).

Концепция Дж. Н. Колдстрима в целом не вызывает особых возражений, хотя далеко не все участники симпозиума согласились с его трактовкой всего материала как финикийского; частично он был произведен в Египте и попал в Грецию через финикийское посредничество (с. 272). Но и это не принципиально. Колдстрим, как кажется, слишком преуменьшает значение раннегреческого материала в Восточном Средиземноморье, ибо геометрическая керамика обнаружена в значительном числе ближневосточных центров. Этот материал указывает на присутствие греков уже в IX в. в некоторых из этих центров. Не исключена возможность, что именно ими была привезена большая часть восточного импорта в Грецию.

Проблемам греко-финикийских контактов в Леванте посвящен доклад Р. Рийса «Греки в Финикии». Автор подводит итог более чем 50-летнему исследованию восточного направления греческой колонизации и на базе накопившегося материала пытается определить некоторые ее общие черты. Главная особенность левантийских греков, по мнению автора, заключается в том, что они не основали ни одного самостоятельного поселения, а вселялись в уже существующие восточные центры. Подобная практика основания квартала или части порта засвидетельствована уже для минойско-микенского освоения Леванта (с. 238).

Автор приводит каталог греческих поселений на левантийском побережье, на основании которого выдвигает интересную гипотезу о двух волнах греческой колонизации Востока. Первая (IX—VIII вв.) — ионийская. На этом этапе греки, преимущественно островного происхождения, осуществили некоторое число вселений, причем в это время они пребывали на Востоке в качестве наемников. Вторая волна наступает в конце VIII в. и представлена уже двумя линиями — дорийской (эгида Родоса) и ионийской (эгида Милета). На этом этапе греками на Леванте преследуются чисто торговые интересы (с. 253).

Концепция П. Рийса отличается большой самобытностью, хотя страдает излишней генерализацией. Далеко не все левантийские греки вселялись в восточные центры. Насколько можно судить по археологическому материалу из Аль Мины, она скорее всего была основана как самостоятельная урбанистическая единица, поскольку ее нижние слои содержат исключительно греческий материал¹⁵. С другой стороны, предположение П. Рийса о существовании первой волны греков-наемников на Востоке остается не более чем оригинальной гипотезой. С уверенностью можно идентифицировать лишь один памятник как форпост наемников, да и тот функционировал в последней трети VII в., а судя по материалу, его населяло смешанное иудейско-греческое население (восточные греки)¹⁶. Пока еще не известно, участвовали ли кикладцы в наемническом движении вообще и тем более на Востоке в IX—VIII вв.

Проблема контактов эвбейской колонии Питекуссы с северо-западом Леванта во второй половине VIII в. посвящен доклад Дж. Бухнера¹⁷. Автор стремится систематизировать и типологизировать материал, который был найден его экспедицией за время раскопок на о-ве Искья, для того чтобы обосновать идею о постоянном присутствии восточного этнокультурного компонента в Питекуссах, который, по его расчетам,

¹⁴ Гипотеза о миграции восточных ремесленников в Грецию высказывалась еще Г. Данбэбином (*Dunbabin T. J. The Greeks and Their Eastern Neighbours. L., 1957, p. 41 f.*). Однако он говорил о VIII—VII вв. до н. э., в то время как Колдстрим предлагает отодвинуть хронологические рамки этого процесса к IX—VIII вв.

¹⁵ *Gjerstad E. The Stratification at Al Mina (Syria) and its chronological Evidence.— Acta Archaeologica, 1974, v. 45, p. 118.*

¹⁶ *Naveh J. The excavations at Meşad Hashavyahu.— IEJ, 1962, v. 12, p. 98—99.*

¹⁷ *Buchner G. Die Beziehungen zwischen der euböischen Kolonie Pithekoussai auf der Insel Ischia und dem nordwestsemitischen Mittelmeerraum in der zweiten Hälfte des 8. Jhs. v. Chr.— MB, S. 277—298.*

составлял порядка 10% всего населения колонии, занимался простыми видами хозяйственной деятельности и имел статус типа метеков (с. 294). К концу VIII в. ряд северосемитских семей, населявших Питекуссы, мог эллинизироваться, о чем свидетельствуют два десятка алфавитных граффити, которые в равной степени могли принадлежать грекам и семитам. Так что присутствие восточных метеков в западных греческих колониях было таким же естественным явлением, как их присутствие в Греции в IX—VIII вв.

Б. Б. Шефтон в докладе «Греки и греческий импорт на юге Иберийского полуострова» стремится доказать наличие прямых греко-финикийских контактов на дальнем Западе в архаическую эпоху. Он систематизирует и картографирует весь имеющийся по этому поводу керамический и иной материал, располагая его по синхронистическому принципу (см. карты на с. 340, 347 и 349). Специальное внимание автор уделяет поиску и локализации аналогий. Избранная методика приводит его к заключению, что начиная со второй половины VII в. греческий импорт регулярно присутствует на дальнем Западе. Это аттические амфоры типа SOS, коринфская керамика, кипрская бихромная керамика. Ареал распространения этого материала охватывает Южную Испанию и атлантическое Марокко (с. 337—339). Основной морской путь, по которому он поступал, включает, по мнению Б. Б. Шефтона, Родос — Эгеиду — Южную Италию и Сицилию — Южную Испанию (с. 339). Поскольку этот итнерарий обычно считается финикийским, то Б. Б. Шефтон соглашается с теми исследователями, которые утверждают, что ранняя греческая продукция должна была поставляться на Запад на финикийских и кипрских кораблях, а поздняя, аттическая — самими греками так называемым островным путем (с. 338—340). Не отказывается автор и от настойчиво развивавшейся в 1960—1970-е годы идеи о регулярном присутствии греков в Северной Африке (Ж. Берар и др.)¹⁸, хотя не считает возможным характеризовать это присутствие как колонизацию. Исключение составляют Кирена и ее округа (с. 353).

Выводы Б. Б. Шефтона находят полное одобрение со стороны ведущего испанского специалиста по керамике Южной Испании М. Палисера, написавшего доклад о керамике Нижнего Гвадалквивира¹⁹. Путем соотнесения материала одного из 39 раскопанных в бассейне Гвадалквивира поселений — Серро Макарено (провинция Севилья) — с общепринятой в современной испанской науке периодизацией истории доримской Испании (с. 373)²⁰ М. Пеллисер утверждает, что греки проявили свою максимальную самостоятельность и активность в Южной Испании в 500—425 гг., оставив немало следов своего присутствия (с. 395). В более раннее время они сотрудничали с финикийцами, а позднее — с пунийцами (с. 403)²¹.

Новые аспекты проблемы международного положения Карфагена на раннем этапе его истории выдвинула в докладе «Плавания Карфагена на Западе. Карфаген и Тартесс в VIII—VI вв.» К. Пикар²². По ее мнению, археологический материал позволяет говорить о «партикуляризме» Карфагена, т. е. о его независимости от союза финикийских колоний Южной Испании и Марокко и о наличии у него собственного круга союзников в зоне Туниса. Наиболее репрезентативным ей представляется керамический материал этих двух «секторов». Если южноиспанские финикийцы рано начали

¹⁸ *Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. P., 1960, p. 65.

¹⁹ *Pellicer Catalán M.* Las cerámicas del mundo fenicio en el Bajo Guadalquivir: evolución y cronología según el Cerro Macareno (Sevilla).— MB, S. 371—403.

²⁰ *Blázquez J. M., Presedo F., Javier Lomas F., Fernández Nieto J.* Historia de España antigua. T. I. Protohistoria. Madrid, 1983; *Almagro Górrbea.* El Bronce final..., p. 491—492.

²¹ Впервые это предположение было обосновано еще в 1960-х годах (*Maluquer de Motes J.* Fenicios en Cataluña.— Tartessos y sus problemas. Barcelona, 1969, p. 246 sg.). В настоящее время данная точка зрения получила развитие как в работах испанских специалистов (см., к примеру, *Arteaga O., Padro J., Sanmarti E.* El factor fenici a les costes catalanes y del de Lio.— *Els pobles pre-romans del Pirineu.* Puigcerdà, 1978, p. 129 sg.; *Els Orígens del món ibèric.* Simposi Internacional.— Ampurias, Barcelona, 1976—1978, passim, но особенно с. 157—210), так и французских: *Clavel-Lévêque M.* Marseille grecque. La dynamique d'un impérialisme marchand. Marseille, 1977, p. 19—20.

²² *Picard C.* Les navigations de Carthage vers l'Ouest.— MB, S. 167—171. На южноиспанском материале они получили самостоятельное развитие в исследовании Э. Гонсалеса (*Fenicios y Cartagineses...*, p. 26 sg.).

производить собственную керамику, о чем говорит керамика Тосканоса и карта ее распространения, то Карфаген зависел от поставок из метрополии и, шире говоря, с Востока вплоть до середины VII в. (с. 168). Значительно различается и греческий керамический импорт: в Испании и Марокко гораздо меньше коринфского, нежели в Карфагене и его округе, зато превалирует аттическая геометрическая керамика и амфоры типа SOS. Дополнительные подтверждения автор видит в архитектуре погребений и особенно в религии. В Гадесе основным божеством был Мелькарт, а в Карфагене большую роль играл Баал Хаммон (с. 169), следы Астарты более заметны в испано-финикийском ареале (подобно Сицилии и Сардинии), а Танит — в Карфагене (с. 169). Существенные различия демонстрирует западнофиникийское письмо, южноиспанский вариант которого (как и письмо Сардинии) представляется К. Пикар гораздо более близким к собственно финикийскому, чем к карфагенскому (с. 172).

Самостоятельное место уделено в докладе проблеме торговых связей Карфагена в VIII—VII вв. По характеру К. Пикар определяет их как посреднические, ибо морской транзит «Восток — Запад — Восток» включал на обратном пути обязательный заход в Карфаген (с. 170 сл.). На основе пока крайне немногочисленных находок раннекарфагенских ювелирных изделий в Тартессе и тартессийских вещей в древнейшем некрополе «колонии Дидоны» автор допускает наличие самостоятельных контактов между двумя зонами, основу которых составляли руды Тартесса (с. 170). Второстепенную роль по сравнению с двумя этими магистральями играл маршрут «Финикия — Египет — Сардиния — Карфаген», по которому обычно транспортировалась египетская продукция низкого качества (с. 171). Думается, что основная мысль исследовательницы покажется свежей советскому читателю, поскольку в отечественной литературе Карфаген и испано-финикийские города изучаются обычно в рамках единого стереотипа, без предложенной автором попытки противопоставления: «Гадес — Карфаген» для периода ранней истории последнего²³.

Ж. Ш. Пикар в своем сообщении «Перипл Ганнона»²⁴ вновь возвращается к проблеме аутентичности Ганноновой «лоции» западноафриканского «золотого пути». Напомним предысторию проблемы. Дискуссия по поводу подлинности памятника была открыта еще в 1880-х годах автором его первого стилистического анализа А. Токсье, осуществленного по единственно имевшейся в те времена византийской рукописи X в.²⁵ С новой силой полемика развернулась после публикации второго варианта Перипла Ганнона — так называемого Гейдельбергского манускрипта IX в.²⁶ Основной спор ведется вокруг вопроса о времени создания памятника и степени достоверности содержащейся в нем информации, а ключ к решению проблем видится современным исследователям, во-первых, в реконструкции конкретных условий плавания вдоль побережья тропической Африки и, во-вторых, в углублении лингвистического анализа Гейдельбергской версии²⁷. Ж. Ш. Пикар по первому пункту является противником R. Mauny, который, разобрав по древнепунийским лоциям естественные течения, ветровые режимы, конфигурацию западноафриканского побережья, а также реконструиро-

²³ См., к примеру, *Циркин. Финикийцы в Испании...*, с. 14: «На Западе тесные связи объединяли (курсив наш.— В. К., А. С.) финикийские города Южной Испании и Северо-Западной Африки. Время расцвета торговли с нею — VII—VI вв. В VI в. сюда проникают карфагеняне, которые несколько оттесняют финикийцев». См. также *Циркин. Финикийская культура...*, с. 20, 24—25 и др.

²⁴ *Picard G. Ch. Le Périphe d'Hannon.*— MB, S. 175—180. Впервые эта попытка была предпринята еще в 1960-е годы (*Picard C., Picard G. Ch. The life and death of Carthage. L., 1968, p. 92 f.*).

²⁵ *Tauxier H. Les deux rédactions du Périphe d'Hannon.*— *Revue africaine, Alger, 1882, p. 15—37.* Подробную библиографию см. *Diller A. The Tradition of the minor Greek Geographers. Oxf., 1959, p. 48—99 et p. 179 (Addenda).* Новую литературу см. *Desagnes J. Recherches sur l'activité des méditerranéens aux confins de l'Afrique (VI s. av. J. C.— IV s. ap. J. C.). Lille, 1982, p. 32, not. 2 et chap. VI, passim.* В советской литературе краткую справку о дискуссии на основании работ И. Ш. Шифмана (*Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. М.— Л., 1963; он же. Из истории пунийской литературы.— В кн.: Фольклор и литература народов Африки. М., 1970, с. 13—17*) см. в кн.: *История Африки. М., 1979, с. 23 сл.*

²⁶ Подробнее об этом и литературу см. *Diller. Op. cit., p. 12—13; Desagnes. Op. cit., p. 39 suiv.*

²⁷ Формирование этого метода исследования принадлежит такому крупному специалисту по морским итинерариям древности, как Ж. Дезань (*op. cit., p. 39*).

вав технические возможности древних кораблей, отрицает возможность возвращения из плавания, плавание так такое и, следовательно, аутентичность Перипла Ганнона ²⁸ (с. 177). Сам Пикар продолжает поддерживать мнение Дж. Каркопино и особенно Р. Лони ²⁹ (с. 177), которые утверждают, что в определенное время года в наиболее трудном для плавания районе (мыс Jubu — мыс Blanc) происходила благоприятная смена ветра, что позволяло грести против него, изменив предварительно позицию весел и выпустив прямоугольный парус по типу «манипуляций» судов на пути из Александрии в Афины при преодолении эфесских ветров. Он приводит также выводы специалистов о том, что пунийские суда были оснащены аналогичным римскому поворотным рулем ³⁰ (с. 177). Но даже, говорит Пикар, если принять мнение Ж. Дезаня об использовании руля-ахтерштевня ³¹, то расчеты показывают, что он не намного уступал по эффективности поворотному (с. 177—178) ³².

Осуществленный Ж. Ш. Пикаром текстологический анализ Гейдельбергского манускрипта приводит его к повторению вывода 1960-х годов о двухчастной структуре памятника (с. 179). Первая часть (§ 1—6) является собственно периплом или даже соединением двух пунийских итнерариев. Автору Гейдельбергского манускрипта она могла быть известной благодаря сохранившейся в Карфагенском святилище надписи, *gravée par Hannon*. Вторая часть представляется автору переводом фрагмента «Комментариев» Ганнона, упоминаемых Плинием (NH, V, 7, VI, 200). Ж. Ш. Пикар считает, что попытки его противников найти греческие первоисточники текста ³³ обречены на неудачу, за исключением § 7 рукописи, который является «неудачным истолкованием» Геродота (IV, 171—173). Принимаемая ими дата (200-е годы до н. э.) кажется Пикару неприемлемой для § 1—6 как крайне поздняя (с. 176). Ей не соответствует палеография, ее опровергает находка в 1974 г. клада римских монет IV в. до н. э. в Сан-Педро (с. 178). Сумма приведенных аргументов позволяет Ж. Ш. Пикару считать плавание Ганнона к Гвинейскому заливу реальным фактом карфагенской истории, а составленный им перипл — подлинным документом доримского времени, дошедшим, однако, лишь в конспективном варианте благодаря неизвестному автору III в. (с. 179—180).

Подводя итоги обзора основных работ, нашедших освещение в VIII томе «Мадридских сообщений», следует отметить, что большинство из них построено на удачном сочетании данных письменной традиции и массового археологического материала, частного источникового анализа при самой широкой постановке проблем. Это характерно в первую очередь для исследований Дж. Н. Коддстрима, П. Рийса, В. Реллига, В. Тузы, Ф. Барреки, Х. Нимайера, Х. Шубарта. Но даже те доклады на симпозиуме, в которых трактуются частные аспекты «финикийского вопроса» (доклады Б. Б. Шефтона, Х. М. Бласкеса, М. Аубет Земмлер, Дж. Бухнера и др.), представляют собой результат фундированного анализа археологического материала как основного, а нередко единственного источника его изучения. Не могут остаться без внимания сообщения К. и Ж. Ш. Пикаров, поскольку, несмотря на их лаконичность, они являются глубоко научными и проливают свет на проблемы контактов ведущих финикийских колоний Запада с туземным миром Испании и Африки вплоть до Гвинейского залива. При этом участниками симпозиума опускались и не обсуждались вовсе про-

²⁸ *Mauny R.* Le Périphe d'Hannon, un faux célèbre.— *Archaeologia*, P., 1970, XXXVII, p. 76—80.

²⁹ *Carcopino J.* Le Maroc antique. P., 1947² (Chap. «Le Marché punique de l'or (V—III s. av. J. C.)», p. 73—163); *Lonis R.* Les conditions de la navigation sur la côte atlantique de l'Afrique dans l'antiquité: le problème de retour.— In: *Colloque de l'Afrique Noire et monde méditerranéen dans l'antiquité*. Dacar, 1976, p. 147—162.

³⁰ *Rouge J.* L'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire Romain. P., 1966, p. 61; *Foucher L.* Navires et barques figurés sur les mosaïques découvertes à Souste et aux environs. P., 1957, p. 21 suiv.

³¹ *Desagnes.* Op. cit., p. 43.

³² Эти расчеты были приведены Пикаром раньше (*Picard G. Ch.* La vie quotidienne à Carthage au temps d'Hannibal. P., 1958, p. 228—239). На афинской триере, по его мнению, можно было плыть на юг со скоростью 5—7 узлов, а на обратном пути — по 2 узла. На пентеконтере средней скоростью он считает 4 узла. Эти скорости требовали, как указывает Пикар, двух месяцев для покрытия расстояния от Дакара до мыса Noun.

³³ *Desagnes.* Op. cit., p. 31 suiv.; *Germain G.* Qu'est ce que le Périphe d'Hannon? Document, amplification littéraire ou faux integral? — *Hespéris*, 1957, XLIV, S. 205—248.

лемы терминологического порядка. Очевидно, не всегда оправдан простой перенос категориального инструментария из исследовательских работ по истории эллинической колонизационной практики на финикийскую, поскольку, несмотря на определенную типологическую близость этих процессов, они достаточным образом отличались друг от друга.

Несмотря на большое значение работы специалистов в плане изучения «финикийского вопроса», он еще далек от разрешения. Это явствует уже из того, что не вполне выясненными остаются как общие вопросы финикийской колонизации (причины, цель, характер, периодизация, хронология), так и конкретные, такие, как организация финикийской колонизационной практики (участники, их состав и организация, пути и средства экспансии), вопросы типологии финикийских колоний и проблемы их внутреннего развития на каждом конкретном этапе истории, проблемы внешних контактов западнофиникийских колоний, их связей между собой, с туземцами, греками и этрусками, проблема водораздела между финикийской и карфагенской колонизацией Запада. Наконец, заключительным можно считать вопрос о сущности ориентализма и особенностях его проявления в центральном и Западном Средиземноморье.

Только посредством решения проблем, поднятых на симпозиуме и отмеченных в качестве перспективы изучения «финикийского вопроса»³⁴, можно выяснить подлинное значение финикийской колонизации Средиземноморья как историко-культурного феномена. Видимо, это станет возможным также лишь после того, как произойдет объединение усилий специалистов по этим проблемам с исследователями другой, не менее значимой для истории древнего Средиземноморья проблемы — греческой колонизации.

В. И. Козловская, А. Ю. Согомонов

³⁴ Отметим, что ведущие специалисты сами отметили наличие ряда серьезных лакун в поднятом ими «финикийском вопросе». См. Abschlussdiskussion (MB, S. 445—450); Nachwort (MB, S. 451—455).

C. BRIXHE, M. LEJEUNE. *Corpus des inscriptions paléophrygiennes*. T. I. Texte, p. 297; T. II. Photos, 133 planches. Paris, 1984

Рецензируемый «Корпус старофригийских надписей» — работа, которую давно ждали ученые различных специальностей: исследователи древнебалканских языков и культур, индоевропейцы, палеографы и историки письма. Сложность предпринятого издания потребовала от К. Брикса и М. Лежена почти 15 лет для его окончательного завершения. Составление общего плана труда и его редактирование осуществлялись при участии Э. Лароша. Большая часть надписей была проверена издателями по оригиналам (это относится ко всем памятникам старофригийской письменности, находящимся ныне на территории Турции), что же касается немногочисленных памятников, хранящихся в европейских музеях, они сверялись по фотографиям.

Издание состоит из двух томов. Первый том содержит прорисы, транслитерации, а также разного рода комментарии и конкордансы; во втором томе даны фотографии памятников, к сожалению, не всегда достаточно четкие, хотя во многих случаях и служащие полезным подспорьем для читателя. Более длинные надписи представлены во втором томе не только фотографиями общего вида памятника, но и воспроизведены более крупно отдельные части надписей. В основном (первом) томе надписи расклассифицированы по географическому признаку, на основе которого введена рациональная и удобная «открытая» нумерация. Выделены следующие ареалы распространения надписей (в скобках указан принятый в работе код): Западная Фригия (без «города Мидаса») (W), «город Мидаса» (M), Центральная Фригия без Гордиона (C), Гордион (G), Вифиния (B), Птерия (P), Тианида (T). Отдельной группой даны нелокализованные памятники («Documents divers» — Dd). В рамках каждого региона описываются сначала лапидарные надписи (номера — 01, —02 и т. д.), затем — instrumenta (номера —101, —102 и т. д.). Таким образом, новые находки не приведут к хаосу в нумерации.

Каждой региональной группе надписей в корпусе предпосланы подробная карта с указанием расположения памятников, палеографическая таблица и краткое описание памятников в целом. Относительно каждой надписи сообщается подробнейшая (по лаконично поданная) информация: местонахождение памятника, описание объекта, на